

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ И РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ НА БАЛКАНАХ

"Нельзя забывать о том, что в начале этой грандиозной конструкции лежит, казалось бы, скромная, лепта звукового уровня"

(Цивьян 1992, 21)

I

Среди намеченных еще К. Сандфельдом балканизмов не нашлось места явлениям просодического уровня. Последующие исследователи выявили отдельные схождения в фонетике слова. "Новый балканизм", особый тип интонации общего вопроса, был обнаружен в начале 80-х гг. П. Ивичем и И. Лехисте (P. Ivić-I. Lehiste).

К сегодняшнему дню просодия балканских языков изучена по-разному, с самой различной интенсивностью и с различной степенью давности. В максимальной степени — сербохорватские факты, в основном группирующиеся вокруг системы четырех акцентов, в меньшей степени румынские и болгарские, как правило — это описание интонации, обычно вопросительных предложений (А. Мишева, Л. Даскэлу и др.). Многие статьи по новогреческой просодии и отдельная монография А. Ботиниса написаны и изданы за пределами Греции. Известна лишь одна статья об интонации албанского языка.

Говоря же о балканистике как о науке в целом, можно характеризовать ее как науку о системах и их схождениях — в том или ином участке языковой структуры. Т.е. речь идет о находках таксономической статистики, но не о динамике языкового существования. Как представляется, мена общей парадигмы в филологии становится все более и более отчетливой — по закону спиралевидности развития гумбольдтовские идеи языка как энергии, как деятельности, выходят на первый план. Языковая деятельность немислима без опоры на коммуникацию в принципе и на

контакт — прежде всего.

Вся зона Балкан — кипящий котел разнородных по языку общений. Факт этот как бы очевиден до неинтересности, однако только в обобщающем труде Т.В.Цивьян было обращено внимание на контактность как на стержень, на ось существования Балканского региона (Цивьян 1992). Т.Цивьян отходит от пассивного созерцания языковых схождений на протяжении балканской истории (а найти предельную нижнюю границу этого балканского круговращения практически пока нереально) и объявляет коммуникативные задачи телеологическим ядром балканоязычных изменений: "...языки БЯС "подгоняют" свое устройство к оптимальному существованию коммуникации в условиях балканского многоязычия" (Цивьян 1992, 18).

Идеи Т.В.Цивьян актуальны не только по причинам собственно балканистического характера. В общей системе парадигматической ломки современного языкознания все больше и больше начинает иметь место отход от гипнотического приоритета чисто письменных языковых свидетельств и осознание того, что звуковой строй языка не равен письменному воплощению по числу измерений: письменная речь ограничена плоскостью двух измерений и графической отдельностью слова. Еще в начале нашего столетия произнесение высказывания мыслилось как сукцессивное исполнение языковых единиц на гомогенной и однонаправленной языковой оси. Поэтому краткими или долгими, ударными или безударными, растянутыми или укороченными могли считаться только единицы языка — слоги, слова и т.д., но мысль о структурированности этой самой протяженности еще не становилась реальностью.

Между тем в лингвистике последних десятилетий существуют (и соперничают) два принципа, условно называемых *top down* и *bottom up*.

Согласно принципу *top down*, речепорождение, т.е. создание единиц контакта, начинается с планирования крупных единиц суперсегментной сущности, т.е. просодических структур. Эту первичную, многомерную и сложноиерархизированную, систему мы "расщепляем" сегментными звуковыми опорами. Принцип *bottom up* предполагает индуктивный подход к просодии на базе сегмен-

тных звуковых цепей в качестве первичных. Однако оба подхода в равной степени предполагают жесткую каркасную структурированность суперсегментных систем.

Новейшие фонологические дисциплины (автономная фонология, линейная фонология), углубляясь в которые мы не считаем сейчас целесообразным, ставят в центр речевого события феномены именно просодического характера, упорядоченные во времени. Исчезновение (утрата) сегментного наполнения не влечет за собой изменения временной структуры, поэтому возникающая пустота чем-либо заполняется: имеет место геминирование или так называемое "компенсаторное продление" (ранее практически никак не мотивируемое по существу, но лишь описываемое, т.е. характерное для уходящей парадигмы "как" вместо "почему") и под. Длительностный фактор становится центральным при описании не только языковых изменений, но и самого генезиса языка как средства общения. См. характерное для последних лет название статьи — *In the beginning was the lengthened grade* (Vermeer 1990).

Все это заставляет обратиться уже к самой категории Времени, которую можно поистине назвать центральной философской категорией XX века.

II

Осмысление времени как основной категории нашего бытия, основной, ибо мы можем перемещаться в пространстве, но не можем во времени, связывается в философском анализе с двумя временными ипостасями — так называемым циклическим временем и временем прямолинейным, одномерным и необратимым (см., в частности, об этом: Уитроу 1964, 37 и далее). Циклическая модель связывается с древним архетипическим сознанием. Она оказывается не только древней, но и наиболее "жизнестойкой" (об этом в связи с вторым законом термодинамики см. Руднев 1986). Протяженность циклов мыслится различной, но миф о "вечном возвращении" является постоянным источником возвышенных творений человеческого духа (Eliade 1955).

Однако если циклическое время наполнено и заполнено, то

время линейное представляется текущим на нас и мимо нас, "прямолинейное" движение истории заполнено лишь *уникальными* событиями (см. о Распятии: Уитроу 1964, 42).

Дж. Данн так описывает суждение о времени рядового обывателя (the-man-in-the-street).

1. Время обладает длительностью, рассекаемой на "прошлое" и будущее.
2. Эта длительность не ориентирована в пространстве, не различает Севера, Юга, Востока и Запада.
3. Прошлое и будущее непосредственно не наблюдаемы.
4. События переходят из будущего в настоящее и затем в прошлое. Таким образом прошлое непрерывно увеличивается (Duppe 1927, 95).

Именно в этом разном отношении к времени, трактуемом нами сейчас пока самым поверхностным образом, лежит, как представляется, стержень оппозиции "холодной и горячей" культуры, по К. Леви-Строссу. Как пишет К. Ясперс, "Принципы западного человека исключают простое повторение по кругу. Постигнутое сразу же рационально ведет к новым возможностям. Действительность не существует как сущая определенным образом, она должна быть охвачена постижением, которое является одновременно вмешательством и действием" (Ясперс 1992, 297).

Однако различие двух видов времени не оказывается исключительно темпоральным феноменом. Как правило, Время обычно ассоциируется с Пространством. Мы предлагаем в дальнейшем связывать его и с Событием, поскольку антропоцентричность нашего сегодняшнего научного сознания позволяет отойти от чисто физических феноменов прежней научной парадигмы.

Таким образом, правильнее говорить не о циклическом ВРЕМЕНИ, а о циклических-во-Времени-Событиях. Такой цикл всегда заполнен, "циклическое" время не знает пустоты, дыр, зияний. Включенность в него освобождает от страха одиночества, освобождает и от свободы. Типичным словом для обозначения События-во-Времени является русское *Пора*, это время, неотделимое от события, "пора любви", "пора ехать на охоту", "пора собирать урожай" и т.д. (см. об этом подробно Яковлева 1992, 30-41). С этим связаны и такие противопоставления как *нынеш-*

ний (т.е. циклично-повторяющийся) и *сегодняшний* (новое, уникальное) (Яковлева 1992, 39–40).

Итак, циклическое время мыслится заполненным, линейное потенциально открытым. Возникает желание его сжать, компрессировать. В связи с этим интересна идея Т.В.Цивьян о текстах операционного характера, описывающих изготовление человеком разного рода артефактов от начала, созидания, до уничтожения, истребления (Цивьян 1993). Нельзя не согласиться с автором в том, что человек вмешивается в область природы, "навязывая ей свой темп и ритм и добиваясь компрессии времени". Однако в ее же словах можно усмотреть и другую, не менее властную, функцию подобных текстов. "Произнесение текста приобретает над слушателем магическую власть, оно, как метроном, отсчитывает время, и это время сакрально, в него нельзя вторгнуться, текст нельзя прервать, как невозможно нарушить протяженность и целостность Времени" (Цивьян 1993, 36). Тексты, описываемые Т.Цивьян, произносятся в Бытии-сейчас (Dasein), они могут быть приказом из циклического прошлого, уничтожением открытости будущего. Мы врываемся в открытое время, уменьшая зияния и другими, более обыденными способами. "Я к Вам на минуту", говорит человек, рассчитывая пробыть немногим более часа (см. об этом Яковлева. Указ. соч., 29). *Мгновения* в прошлом охватывают целую жизнь, это, по Бл. Августину, "растяжение души".

Итак, мы манипулируем с Временем, но и оно манипулирует с нами. Сосуществование разных систем отражает и язык, мы различаем время рациональное, обыденное и исключительное (Яковлева 1992, 20). Различаем циклическое и линейное. Но внутри линейного существует ли только одна вперед указующая стрелка?

Данные русского языка говорят о движении времени как бы за нашей спиной — то, что впереди, это *пред-стоящий*, а за нами — *пред-идущий* (наблюдение Т.В.Булыгиной и А.Д.Шмелева). Точно также знаменитое место из "Слова о полку Игореве" о передней и задней славе можно понимать как отображение от-нас-идущего времени. Мы смотрим *вперед*, в будущее, но событие может случиться *перед Новым годом*, т.е. в прошлом. Просьба остановиться *перед грузовиком* может реализоваться двумя противоположными способами.

Итак, нециклическое время может быть неоднородным? В.П.Руднев в указанной работе (Руднев 1986), противопоставляя энтропийное время информативному, выдвигает гипотезу о том, что текст (и культура вообще) есть телеологическая данность, направленность в иное время по отношению к уходящей реальности. К сходной мысли приходит и Т.В.Цивьян: "Однако архетипическая компрессия времени заставляет предполагать, что тем самым возможность прогресса оказывается заложенной уже на этом этапе, во всяком случае тогда, когда человек берет на себя роль культурного героя, который стремится овладеть и пространством, и временем. Складывая и произнося текст, Человек делает его мерой времени, тем более доступной и наглядной, что эта временная единица, так сказать, замыкается на человеке. При этом такая мера времени отходит от непосредственной связи с биологическими ритмами и предполагает осознанную деятельность, своего рода планирование" (Цивьян 1993, 38).

Но таким прорывом можно считать текст, достаточно протяженный, но и отдельные высказывания и диалоги-минитексты.

Для того, чтобы перейти к ним далее, вновь обратимся к проблемам Времени.

Как уже говорилось, циклическое время есть наполненность времени повторяющимися событиями. Но насколько наполнено событиями линейное время, во-первых, и обладает ли оно внутренней структурой или оно всегда гомогенно, во-вторых?

М.Хайдеггер мыслит сиюминутное Бытие как событие, *Dasein* (Хайдеггер 1992). Однако это время структурировано: "Мы называем время, когда говорим: всему — свое время. Это означает, что все, все сущее, приходит и уходит во-время, в свое время и остается в течение отмеренного ему времени. Каждой вещи — свое время" (Хайдеггер 1992, 81). При этом события линейной Вселенной могут быть неповторимыми (Уитроу 1964). Однако означает ли структурированность лишь плотную наполненность событиями? Может быть, линейное время есть само по себе многомерная структура?

Существенной для всех исследователей времени, начиная с Бл. Августина, является невозможность одновременного сосуще-

ствования событий в настоящем, прошлом и будущем (Findlay 1952).

Считая Пространство однородным, А.Бергсон определил его как категорию от Времени, введя для Времени субкатеорию Длительности (Бергсон 1910): "Мы покажем, что время, понятое как бесконечная и однородная среда, есть лишь призрак пространства, осаждающий рассудочное сознание" (Бергсон 1910, 86). Именно в трактовке времени как однородной среды А.Бергсон видел заблуждение И.Канта.

Под длительностью А.Бергсон понимал некий факт внутреннего состояния сознания, когда в сознании одновременно сосуществуют этапы временного потока и нет резкой грани между настоящим и предшествующим состояниями сознания. "Так, последовательность можно понимать без различения, как взаимное проникновение, солидарность, внутреннюю организацию элементов, из которых каждый, отражая в себе все, отделим и различим от других лишь посредством абстрагирующего мышления" (Бергсон 1910, 88). Говоря современным языком, А.Бергсон строит модель Времени, по своей природе гетерогенную, поскольку она неоднородна и неоднородна, целиком опирающуюся на когнитивный аспект и абстрагированную в качестве категории, т.е. преодолевшую уровень эмпирического существования. "Что такое длительность внутри нас? Качественная множественная разнородность (гетерогенность), в которой нет различных между собой качеств. Одним словом, моменты внутренней длительности не внеположны по отношению друг к другу" (Бергсон 1910, 183).

Однако для нас существенна не только многомерность когнитивного существования времени в трактовке А.Бергсона, но и объявление им внутренней структурированности длительных мер. Т.е. здесь можно привести его вполне связывающийся с нашими задачами пример о том, что если, нарушая такт, мы будем слишком долго тянуть один звук, то не "чрезмерная долгота ноты, как таковая, обнаружит нашу ошибку, а качественные изменения, вызванные таким образом во всем целом музыкальной фразы" (Бергсон 1910, 88).

Идею конфигуративности Времени находим и в упоминавшейся выше книге Дж.Данна. Прямо указывая на преемственность по

отношению к идеям А. Бергсона, Данн не готов принять простейшую позицию, согласно которой протяженность Времени равномерно делится на годы, дни, минуты и т.д. "Но это означает, что протяженность нашего Времени не является незаполненной; оно содержит в себе некие физические конфигурации (Duppe 1927, 113-114). Существенным для лингвиста является здесь интерес к последовательности событий, к серийности. Индивидуализированные члены серий называются Данном Термами, важным является "отношение между термами — тот тип отношений, который привлекает один терм к другому" (Duppe 1927, 123).

III

Нашей задачей было не осветить проблему Времени в философской мысли XX века, а, двигаясь избирательно, подвести под эти общие категории длительностные характеристики языкового высказывания, которые обычно рассматриваются сугубо эмпирически.

Между тем человеческие высказывания обладают рядом существенных по отношению к времени просодических характеристик. 1. Оно информативно и членимо на события, передаваемые средствами языка. 2. Эти события оформлены не единообразно по времени: начало протяженно, центр более свободен и вариативен, конечная часть растянута и более всего предсказуема. 3. Внутри этих крупных членений соблюдается и более мелкая, но не менее строгая временная структурированность.

Наконец, четвертое. 4. Структурированное во времени высказывание произносимо. И произносится оно в измерениях уже однородного времени, т.е. за некое число секунд, минут и т.д. Таким образом временная структура реализуется во времени же. Первая временная структура заполнена событиями разной протяженности, вторая структура гомогенна и равномерна.

В этом смысле вторую структуру можно считать Временем-в-Пространстве для высказывания. Т.е. для произносимого высказывания его пространство и есть время. Нетрудно заметить, что индивидуальное человеческое высказывание легко уподобляется индивидуальной человеческой жизни.

Временные структуры языков разных семей изучались достато-

чно подробно; вполне доступны изложению как универсальные, так и типологические черты длительности в пределах общей просодии. Однако, как нам известно, не ставился вопрос о возникновении некоторого временного механизма при речевом контакте носителей языков, принадлежащих к разным семьям, но объединенных одним территориальным регионом. Именно таким полигоном является территория Балкан, где, как пишет Т.В.Цивьян, «чужой язык» становится потенциально своим" (Цивьян 1992, 37).

Сходства и различия языков БЯС обычно описываются как *результат контакта* этих систем, в нашем же случае, как нам кажется, удалось выявить некоторые закономерности, имеющие место при непосредственной *установке на контакт*. Полученные результаты, излагаемые ниже, оказались для нас неожиданными и ни в какой степени не коррелирующими с данными экспериментального исследования десяти славянских языков (см. Николаева 1977).

Излагаемые ниже сведения являются лишь частью общих выводов автора о просодии Балкан, полученных экспериментальным путем. Полностью все данные приводятся в книге: *Т.М.Николаева. Просодия Балкан* (в печати).

Сообщим, по возможности кратко, необходимые сведения о принципах подбора материала и о тех задачах, которые были поставлены. Привлекались факты шести языков: румынского, новогреческого, албанского, сербохорватского, болгарского и македонского. Отбор материала шел с ориентацией на литературные языки — в полном согласии с выраженной позднее формулировкой Т.В.Цивьян о том, что "есть логика в том, что предельно обобщенная схема ориентирована на ограниченный, отлитой и в некотором смысле условный языковой вариант" (Цивьян 1992, 8).

Анализирувавшийся корпус языковых фактов состоял из 7 частей:

1) Изолированные слова: двусложные и трехсложные с разным местом ударения (там, где система языка это допускала), т.е. это были ритмические структуры —́, —́́, —́́́, —́́́́, —́́́́́. Там, где это было возможно, подбирались пары, различавшиеся по месту ударения, например, *аржа* — *аржа́* (болг.), *dáďá* — *dáďá́* (рум.) и т.д. Также специально подбирались серии слов близко-

го фонетического состава, для того, чтобы исключить в максимальной степени влияние фактор сегментной микропросодии. Наконец, для удобства типологического сопоставления языков слова оформлялись через две анлаутных серии: с вокальным анлаутом в виде [a] и с консонантом в виде [b], а также как с вокальным, так и с консонантным исходами. Например, (сербохорватские серии):

аба, абџа, абџат, абав, абџа, абџило,

абат, абет, абит, абет;

баба, баба, бабак, бабе, Бабић, Бабић;

бабаја, Бабиљон, базан, базар, базар;

базанье, базговка, базговина, базирати, базичность и т.д.

2) высказывания-фреймы, где слова из материала 1 произносились в разных фразовых позициях. Тем самым оказывалось возможным определить степень воздействия фразовой просодии на словесную в каждом языке. Приводим фреймовые структуры (X — интересующее в каждый момент слово; для удобства сообщается русский эквивалент):

Это X? Это X. Это X или нет? Как произносится слово X?

X — это слово. Скажи слово X. Скажи слово X еще раз. Вот так X! Когда услышите X, нажмите кнопку.

3) высказывания, в которых, по законам синтаксической семантики, предполагается акцентное выделение, т.е. просодическое подчеркивание одного слова. Таковы были структуры типа: *Тише! Папа стит / А где папа? — Папа стит. / Ну, что у вас? — Папа стит, а мамы дома нет* и т.д. Сходны проблемы и для высказываний с так называемыми акцентирующими частицами *даже, только, и* в инициальной и финальной части: *Даже Петя не решил задачу; Петя не решил даже задачу* и под.;

4) квази-диалог, включающий вопросительные предложения разных типов;

5) текст — отрывок из художественной прозы XX в. на каждом из языков анализа объемом около страницы печатного текста;

6) текст-сказка, пересказанная в манере "как будто бы Вы рассказываете своим детям";

7) отрывок (от 28–33 строк) из народного стиха: "Миорица",

"Баллада о мертвом брате" и т.д.

Тексты с 2 по 4 были переведены на соответствующий язык дикторами — носителями данного языка. Общее число дикторов по каждому языку — от 2 до 4. Запись осуществлялась в Фонетической лаборатории ИРЯ РАН. Интонографическая обработка производилась в течение 1987–1991 гг. в Лаборатории фонетики Московского государственного лингвистического университета, Фонетической лаборатории Института стран Азии и Африки, Лаборатории экспериментальной фонетики Университета дружбы народов, на Кафедре Фонетики и методики преподавания С.-Петербургского государственного университета, в Институте физиологии им. И.П.Павлова РАН (обработка на ЭВМ). Всем, помогавшим мне в этом исследовании, я бесконечно благодарна.

Полученные для балканских языков результаты оказались, как уже говорилось, неожиданно нетривиальными. Примечательно, что эта нетривиальность обнаруживалась только при сопоставлении языков. Факты же каждого языка, рассмотренные в отдельности, никак бы об этом не свидетельствовали. Таким образом, и просодия, казалось бы, периферийный для типологии классического образца языковой пласт, еще раз свидетельствует о том, что балканистика не существует на уровне представления одного или даже двух языков, хотя бы и балканских.

Не останавливаясь на изложении всех полученных темпоральных характеристик, которые могут быть интересны только типологу-интонологу, и на некоторых особенностях просодической схемы слова, не соответствующей "канонической" схеме индоевропейской словесной просодии: т.е. продленным в большей степени оказывается начало слова, а не конец, о чем будет кратко сказано ниже и более подробно уже было сказано в связи с гипотезой о причинах нештокавского сдвига (см. Николаева 1991), приведем, в последовательности от менее необычного к более необычному и неожиданному, серию наблюдений, которые мы считаем "темпоральными балканизмами":

1. В Балканском регионе слово очень мало, а часто и практически никак, не модифицируется по длительности во фразе. Напомним, что в анализ было введено 9 фреймовых структур таким образом, что исходное слово, вначале произнесенное изоли-

рованно, оказывалось в ситуации 9 разных фразовых нагрузок. Что это значит — большая изоляция слова в просодическом аспекте? Здесь речь идет о двух феноменах:

а) значительная модификация слова во фразе свидетельствует о высокой развитости интонации в данном языке, о сильном воздействии фразовой просодии на словесную, что обеспечивает один из основных показателей интонационной эволюции — показатель "слитности" (см. этот показатель в английском, русском, французском, польском и др. языках). Изоляция слова говорит о малой слитности просодических контуров и, тем самым, о малой их грамматикализованности.

б) немодифицированность слов, с другой стороны, говорит о стремлении не потерять значимый материально компонент речи — слово, сохранить его доступность для носителя "чужого языка", знающего язык говорящего возможно не во всем объеме. Это соответствует идее Т.В.Цивьян о том, что при реализации балканских контактов важно "выделение значимых элементов сообщения, что уже соответствует переходу на уровень смысла" (Цивьян 1992, 19). Не обращаясь к просодическому уровню, Т.В.Цивьян говорит в этой связи о роли неполнозначных элементов — шифтеров ситуации. Этот же класс элементов обладает еще одним функциональным аспектом, столь же существенным для ситуации контактов: речь идет о разрежении потока информации, когда для уяснения смысла человеку требуется "некоторый разгон, паузы в концентрированном сообщении" (Цивьян 1992, 20). Эти функциональные установки соотносятся с указанной изоляцией балканского слова с еще большей, если так можно выразиться, "буквальностью", о *паузах контакта* можно здесь говорить в прямом смысле слова.

2. Вторая интерпретация несколько не противоречит первой. Сильное и модифицированное погружение слова во фразу обычно имеет место в языках-гегемонах с большой традицией устного литературного узуса. Этим языкам нет необходимости приспособляться к контактам с не очень хорошо понимающим, но неизбежным соседом: соседи сами должны учить его язык. Сказанное в первую очередь необходимо относить к языкам типа английского и — в пределах славянской группы — русского языка и отчасти

польского.

2. Результаты темпорального анализа балканских фактов включали в себя не только сведения о слове, но и подсчеты средней продолжительности речевых тактов в текстах разных жанров.

Предсказуемыми оказались данные о средней продолжительности речевой единицы при чтении художественного текста и при рассказывании сказки. Естественно, что сказка была ближе к народной разговорной речи, единицы которой более кратки, чем единицы литературной кодифицированной речи.

См. соответствующие данные (в мсек):

	Текст	Сказка
Сербохорватский	1355,67	1119,47
Македонский	1175,54	1035,93
Болгарский	2149,44	1866,90
Греческий	1416,46	1326,55
Албанский	1257,38	1121,03
Румынский	1976,3	1864,77

Что касается длительности единиц стихотворного текста, то этой единицей естественно являлась строка. В реальном чтении цезуры (или паузы) разделяли строку на две части. Поэтому для стихотворной строки (во всех языках, кроме румынского, так как стих "Миорицы" предельно краток: от 12 до 16 звуков были подсчитаны средние длительности первой половины строки, средние длительности постцезурной части и отношения между ними.

См. данные (мсек и абсолютное отношение между частями):

	Первая часть	Вторая часть	Отношение
Сербохорватский	677,3	1064	0,63
Македонский	767,1	758	1,01
Болгарский	860	860	1
Греческий	1225,75	1171,87	1,04
Албанский	957,3	991,4	0,96

Т.е. в среднем (кроме сербохорватского) отношение двух частей стиха колеблется от 0,96 до 1,04. Т.о. цезура по времени располагается в середине строки.

3. Более интересными являются данные о том, что, как оказывается, по всему Балканскому региону в речевом общении функционируют отрезки совпадающей протяженности. Именно на это здесь и в дальнейшем необходимо обратить внимание читателя, не искушенного в просодических проблемах. Дело в том, что темпоральные возможности речевой организации требуют строгой относительной структурированности, т.е., например, конечный ударный бывает во фразе как правило длилельнее ударного в середине фразы, все ударные как правило длилельнее заударных, слово под эмфазой произносится более растянуто, часть высказывания, имеющая пояснительное значение, произносится "скороговоркой" по сравнению с остальной частью, *рема* обычно протяженнее *темы* и т.д. Что же касается абсолютных временных характеристик, то они, как предполагается, могут допускать достаточно большой разброс, варьируясь и от языка к языку и от диктора к диктору.

Балканские же факты (на нашем уровне знания просодической типологии) демонстрируют удивительное единообразные по языкам предпочтения к определенному набору темпоральных единиц. Например, таковы величины средних продолжительностей (в мсек): 560, 600, 1000, 1060, 1640, 1920. Сразу же необходимо заметить, что излюбленные продолжительности речевых единиц у носителей балканских языков совпадают в значительно большей степени, чем излюбленные продолжительности отдельного звука (см. об этом ниже), которые хоть иногда демонстрируют индивидуальные человеческие склонности речепорождения. Но при этом закреплённости речевых единиц за смыслом и/или за жанром текста не наблюдалось.

Например, первая половина стихотворной строки в "Балладе о мертвом брате" (греч.) была как правило протяженностью по времени 880 мсек. Такие же по времени речевые единицы встречались в сербохорватском стихе, албанской сказке, в македонском художественном тексте, румынской сказке, греческой сказке, сербохорватском тексте. И подобное может быть сказано по поводу каждой из перечисленных выше временных единиц. Таким образом, речевые единицы обнаруживают минимальные тенденции к речевому варьированию. Это наводит на мысль о том, что и на-

бор речевых единиц, и их темпоральная протяженность являются первичными, заданными, а человек со своей индивидуальной скоростью к ним подстраивается.

3. Не менее интересные наблюдения были сделаны при чтении текста и особенно при рассказывании сказки. Речь идет об обнаруженных двух типах продолжительности звуков в речевом такте, точнее, о количестве звуков в тактах. Первый набор — 10–11 звуков и второй — 16–17 звуков. Например (11–10 звуков): *преко ватре; зми јих цар; а она му каже; и чује у шуми; и избеглица* (схрв.); и *самлот бог; од мојот пат; сеа да видиш; помислувам* (мак.); и *ще ни видят; а той не зема; на кум Милан* (болг.) и т.д. Подобных примеров можно привести множество. Как видно при этом, синтаксическая структура этих отрезков может быть любой. Интересно, что для румынского языка такой дистрибуции не было отмечено.

Так же частотны отрезки из 16–17 звуков. Оба типа наполнения речевого такта в наибольшей степени представлены в сербохорватском языке, затем в македонском и в албанском. В меньшей степени в болгарском, еще меньше в греческом и чисто случайно — в румынском.

Чем же эти наблюдения интересны?

Дело в том, что обе речевые программы соответствуют основным типам славянского народного стиха. Т.е. это нерасчлененный восьмисложник — 16–17 звуков и половина цезурированного десятисложника — 10–11 звуков (Гаспаров 1989, 14 и указанная там литература). Это наводит на мысль о существовании в славянском ареале Балкан изохронных структур, на которые членилась речь (неслучайно они широко представлены в архаическом жанре — сказке. В современной речи мы организуем группы звуков, скорее, по смыслу, чем по принципу изофонности). Народный стих сохранил таким образом подобное членение речи и канонизировал его. Впрочем, о первичности здесь говорить сложно: возможно, разговорная речь (сказка) была и вторичной по отношению к ранее просодически оформившемуся стиху. Однако связь эта несомненна.

4. Выше отмечалось наличие общих темпоральных показателей для речевых единиц — тактов и о наличии излюбленных для всех

носителей балканских языков величин. То же самое можно сказать и о данных, полученных при определении средней продолжительности звука (СПЗ) в балканских языках.

Прежде всего, здесь отмечались результаты тривиальные и предсказуемые.

Таковыми были данные о продолжительности звуков в текстах всех анализирувавшихся жанров.

См. (в мсек):	Худ. текст	Сказка	Стих
Сербохорватский	72,56	76,67	81,48
Македонский	75,23	76,01	82,69
Болгарский	77,09	81,89	90,69
Греческий	61,25	67,48	70,25
Албанский	97,01	114,94	129,83
Румынский	73,22	74,05	87,42

Это означает, что художественный текст читался быстрее, чем сказка, а чтение народного стиха было самым медлительным. Напоминаем, что речевые единицы в сказке, напротив, были короче, чем в тексте, т.е. художественный текст требует большей временной изощренности.

Необычным однако оказался обнаруженный и в этом случае набор "любимых" средних длительностей звука, наблюдаемых по всем языкам Балкан. Одна из них — 66,6 мсек полностью соответствует приведенным В. Левелтом (Lewelt 1990) средним показателям человеческой речи, т.е. примерно 15 звуков в секунду. Интереснее иные общепалканские показатели СПЗ: 68,5; 70; 74,2; 75; 77,7; 80; 83,3; 88,8; 100.

Предпочитаемые скорости можно назвать и для каждого языка, и для каждого диктора, но приведенные выше общепалканские СПЗ примечательны тем, что привлекают внимание к существованию в языке не только отношений структурно-реляционных, но и каких-то абсолютных количественных временных показателей, о наличии которых наука о звуковом строе как бы и не подозревала.

Еще раз подчеркнем это нетривиальное наблюдение. Ведь средняя скорость произнесения звуков укладывалась по всему материалу в диапазон от 60 до 100 мсек. Поэтому можно было бы себе представить, поскольку весь просчет велся нами до сотых

долей миллисекунды, что разброс величин в этом континууме будет по вариативности колоссальным. Однако этого не было, и набор предпочитаемых СПЗ не превышал десяти единиц.

5. Как уже говорилось выше, наши наблюдения располагаются по степени нестандартной непредсказуемости полученных результатов. Данные, излагаемые ниже, также связаны с общебалканским явлением, которое можно определить как ориентацию на *временную серийность* (см. выше: Дж. Данн о серийной организации времени) с частным подвидом *бинарной изохронии*.

Под бинарной изохронией мы имеем в виду одинаковую по времени протяженность, отмечаемую в примыкающих непосредственно речевых единицах:

1) изохрония самих примыкающих речевых единиц:

схрв.: *опколио пожар /900 мсек/ и како је чобан /900 мсек/; и почну се разговорати /1600 мсек/, својим језиком говоре и /1600/.*

болг.: *рече плато Янка /1120/ и се притисна до него /1120/; недей Стойчо ще ни видят /1360/; не сме в село да ни видят /1360/.*

албанск.: *në një tavolinë /1200/, në goshë s' paskan ardhur /1200/, nuk kishin ndruar /960/, edhe kafeja /960/ и т.д.*

Бинарную серийность обнаруживают и средние продолжительности звуков (СПЗ) в примыкающих единицах (в мсек):

схрв.:

/70/ шта се није добило /70/ Дали је разумно топе и вече-рас? /73 3/ ита у земљи пун подрум /73 3/ сребра и злата.

мак.:

/92/ рикал копал /92/ и се што му препречило.

болг.:

/66/ че не може стигна /66/ Стойчо дръмна оглавниците.

рум.:

/73/ pentru copii /73/ și le da cite un crîmpet de nașu.

На грани бинарной изохронии находится такое явление, когда идентично время произнесения гласных в примыкающих слогах так что один из них ударный, а другой не находится под ударением.

Например (рум.):

Jos în casă; ciocolată ; în singurătate.
100-100 80-80-120-120 130-130-130-130

Одинаковой длительности оказывались ударные гласные разного качества в серийных цепочках, особенно в стихе.

См. (болг.):

Пофали се толина тайка: 120-120-120-100;
че си умала талка тома. 130-100-80-80-80.

В некоторых случаях одинакова серийная длительность и ударных, и безударных. См. (мак.): *Старо Јуеро, чудовиште*. Длительность гласных равна: 120-120-120-120-80-100-100. См., например, также полное повторение длительности гласных в лексемах-повторах при рассказывании: *ра - βει, ра - βει, ра - βει.*
240-160 240-160 240-160
(греч.).

6. Наконец пора сказать о самом поразительном и самом неожиданном показателе времени, отмеченном нами в балканских текстах. Речь идет об абсолютных характеристиках гласных, как ударных, так и безударных. Явление это было отмечено *только в тексте* и распространяется на все балканские языки, которые мы рассматривали. Его нет в изолированных произнесениях слов, причем нередко это те же самые слова, которые потом предстают в тексте. Такое явление не встречалось и в научной литературе интонологического плана, ни в моих собственных экспериментальных данных при исследовании русской и славянской интонации и просодии, собранных уже в течение более тридцати лет.

В чем же это явление состоит?

Оно являет себя в существовании небольшого набора длительностей гласных, известных всему балканскому региону. Это три основных величины — 120, 100 и 80 мсек. Первичная схема выглядит следующим образом: 120 — это длительность ударного гласного, 80 — это длительность безударного, 100 — возможная длительность и того, и другого.

Примечание. Естествен вопрос: представлены ли иные временные показатели ударных и безударных гласных в балканских языках?

Разумеется, есть. Мы говорим лишь о некоторой обнаруженной фреквенталии, общей тенденции.

Приведем примеры:

Мак.: *задача, погледот, смешка, трипати, коса, бога.*

Болг.: *колата, ни видят, Стойчо, младите, село, снага,*
 120-140 120-70 120-80 120-80 120-80 120-120
 120-120 120-100 120 120 120 120

лице и т.д.
 120

Но самое интересное состоит в том, что показатели 80 и 120 как бы могут "меняться" при выражении ударного и неударного. См. сербохорватские примеры (цифра указывает длительность ударного гласного):

језик /120/; сребра /80/; злата /120/; опет /80/; у двор /80/; све пореду /120/; је био /120/; чобан /80/ и т.д. Интересно сравнить ударный в корреляции с заударным по отношению к этим трем величинам: *сребра /120-120/; тиче /80-120/; подруж /80-120/; сребра /80-120/; тиску /120-80/; мољити /80-80/* и т.д.

Данные македонского языка:

дабот /120-80/; глушецот /80-80/; видит /80-80/; опашката /120-80-100/; дулката /100-100-80/; жака /120-80/; жаката /100-80-150/; куртулица /80-80-80-60/; вратот /120-80/ и т.д. То, что эти три величины находятся как бы вне отдельных языков, а распределены по всему региону, становится особенно заметно, если привести темпоральные показатели одних и тех же слов, оказавшихся в разных фразовых позициях.

Сербохорватский:

Более подробные данные:

- урачала* — 100-90-80-100
- по разбоју* — 70-180-120-40
- по разбоју* — 60-140-90-180
- у недељу* — 90-100-100-100
- у недељу* — 60-80-60-80
- засукала* — 80-120-80-70
- засукала* — 80-140-80-80
- у животу* — 100-80-100-120
- у животу* — 60-60-100-70

сребра	ништа
80-120	120
сребра	ништа
80-120	120
злата	чобан
180-120	80
злата	чобан
80-140	60
злата	чобан
120-80	60
у чуду	чобан
120	80
у чуду	чобан
80	100

Болгарский:

малка мола	- 120-80 / 120-80
малка мола	- 160-60 / 200-120
малка мола	- 160-80 / 140-80
малка мола	- 180-60 / 180-100
ясна зора	- 220-180 / 100-160
ясна зора	- 100-120 / 160-160
ясна зора	- 200-120 / 120-100
ясна зора	- 140-100 / 160-120

Македонский:

пропаст	- 100-80
пропаст	- 100-100
Турци	- 80-100
Турци	- 120-120

Албанский:

Meted	- 120-80
Meted	- 100-80 и т.д.

Существенно при этом вспомнить немаловажное в просодическом отношении обстоятельство: известно, что каждая гласная характеризуется и своей микропросодией, т.е. качество гласной накладывает еще дополнительные свойства на длительность; в обычных текстах это неизбежно отражается на показателях длительности ударения. А в случае сербохорватского мы еще имели дело и с четырьмя словесными акцентами, именно реализующимися

в зоне ударного слога. Однако этот набор: 120–100–80 кажется как бы рассыпанным по тексту рукой настолько властной, что она перечеркивает требования микропросодии, схему темпоральной акцентной дистрибуции и общепросодический закон о доминировании ударного над безударным по длительности.

IV

Все перечисленные наблюдения в максимальной степени охватывают именно славянскую часть Балкан, в минимальной части — румынский. Однако они повсеместны.

Что же за этим стоит?

Прежде всего: указанные языки входят в большúю зону, которую можно назвать *зоной подчеркнутой квазитипичности*. Кроме славянобалканских языков, к ней примыкают русский, украинский, итальянский, латинский и древнегреческий, возможно, хеттский и другие языки Малой Азии. В этих языках смысловые единицы отделяются друг от друга посредством темпоральных вариаций; временное варьирование создает и смысловую игру. В других — доминируют тонально-мелодические средства, в третьих — акцентно-эспираторные (интенсивность), хотя во всякой реальной просодической системе параметры представлены во всем наборе, хотя и количественно по-разному.

Общей для всех балканских языков интонационной системы нет. Не совпадают они ни грамматически, ни лексически.

Каким же образом здесь, на перекрестках многообразного общения, осуществляется "проверка контакта на протяжении всего акта коммуникации" (Цивьян 1992, 19)?

Прежде всего — путем выделения значимых элементов, *слов*. Так происходит подача дискретных сигналов и своеобразная настройка на контакт. Нужную для восприятия изохронию осуществляет серийность.

Какую же роль могут выполнять таинственные общие показатели 120, 100, 80? Как представляется, они являются чем-то вроде сигналов Морзе: тире, точка, тире—тире и т.д. Трудно ответить на вопрос, почему именно эти характеристики так активны, а не какие-нибудь другие. Существенно только то, что они появляются *в тексте*, т.е. в коммуникативной, а не в лабора-

торной ситуации. Быть может, они являются реликтами какой-то общей темпоральной системы или ростками новой, объединяющей-ся, — сказать сейчас трудно.

Итак, в каких же Временах протекает речь, произнесенная на Балканах?

1. В общепланетарном Времени, гомогенном и соизмеримом (миллсекунды, секунды, минуты и т.д.).
2. Во Времени языковой системы, структурированном и негомогенном.
3. Во Времени-в-Событиях, через наполнение предыдущей схемы значащими элементами. Это время индивидуально.
4. Время единиц Настройки, время подаваемых единых друг для друга контактов. Это время Контакта.

ЛИТЕРАТУРА

- Цивьян 1992 — *Цивьян (Михайлова) Т.В.* Концепт языкового союза и современная балканистика. Научный доклад на соискание ученой степени доктора филологических наук. М.
- Ivić-Lehiste 1980 — *Ivić P., Lehiste I.* The intonation of *yes-and-no* questions—a new balkanism? // *Balkanistica* 6.
- Vermeer 1990 — *Vermeer W.R.* In the beginning was the lengthened grade: on the continuity of Proto-Indo-European vowel quantity in Slavic // *Akten der 111. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Leiden, 1987. Innsbruck.*
- Уитроу 1964 — *Уитроу Дж.* Естественная философия времени. М.
- Руднев 1986 — *Руднев В.П.* Текст и реальность: направление времени в культуре // *Wiener slawistischer Almanach. Bd.17.*
- Eliade 1955 — *Eliade M.* The Myth of the Eternal Return. L.
- Dunne 1927 — *Dunne J.W.* An experiment with time. Oxford.
- Ясперс 1991 — *Ясперс К.* Духовная ситуация времени // *К.Ясперс. Смысл и назначение истории. М.*
- Яковлева 1992 — *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. М.
- Цивьян 1993 — *Цивьян Т.* Текст как мера времени в архетипиче-

- ской модели мира // Sprache in der Slavia und auf dem Balkan. Wiesbaden.
- Хайдеггер 1991 — *Хайдеггер М.* Время и бытие // М.Хайдеггер. Разговор на проселочной дороге. М.
- Findlay 1952 — *Findlay J.N.* Time: a treatment of some puzzles // Logic and language. Oxford.
- Бергсон 1910 — *Бергсон А.* Время и свобода воли. М.
- Гаспаров 1989 — *Гаспаров М.Л.* Очерк истории европейского стиха. М.
- Николаева 1977 — *Николаева Т.М.* Фразовая интонация славянских языков. М.
- Николаева 1991 — *Николаева Т.М.* Попытка фонетической интерпретации неоптокавского акцентного сдвига // Studia Slavica. М.

T. M. Nikolaeva

LE TEMPS COMME LA CATEGORIE PROSODIQUE
ET LA COMMUNICATION VERBALE AUX BALKANS

Résumé

Chaque langue balkanique a son système de couleurs mélodiques à soi, ne montrant pas de coïncidences essentielles. La recherche expérimentale sur les données temporelles prosodiques a montré des résultats inattendus.

Nous insistons que l'identité absolue, de la durée des voyelles accentuées, des unités de parole, des vitesses moyennes des sons ne peut pas être occasionnelle, se répétant régulièrement dans des langues différentes et chez des différents speakers. (On est habitué de considérer que le système prosodique se réalise seulement dans les caractéristiques relatives.

Nous supposons que le rôle d'indicateurs de contact entre les langues de Balkans jouent ces coïncidences absolues temporelles.

Ils fonctionnent comme un signal d'orientation parce que les participants de communication peuvent dans la même mesure manquer de compréhension de la langue de son "voisin".